

Акад. Б. Д. ГРЕКОВ

ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН И РУСИ В РАБОТАХ акад. В. Г. ВАСИЛЬЕВСКОГО

В. Г. Васильевский был историком Византии, но главный интерес своих исследований он видел в изучении русско-византийских отношений. Можно сказать даже больше: он разрешал проблемы истории России по византийским источникам; изучал Византию, чтобы понять древнюю Русь.

Круг его источников исключительно широк. Он хозяин не только в византийских источниках, но и в русской летописи, и в материалах арабских, грузинских, армянских и др.

Один беглый перечень вопросов, какими занимался В. Г. Васильевский, может убедить нас в справедливости сказанного: дорюриковская Русь (разбор греческих житий Стефана Сурожского и Георгия Амастридского), походы дорюриковской Руси на Византию, Русь времен Святослава по данным записки греческого топарха и стихотворениям Иоанна Геометра, события, связанные с именем Владимира Святославича,—обращение Василия Болгаробойца к Владимиру, участие русского корпуса в гражданской войне в Византии, вопрос о женитьбе Владимира на греческой царевне, об осаде и взятии Владимиром Корсуня, варяго-русская дружина на службе византийских императоров в X—XI вв., исландские саги о русских событиях X—XI вв., поход Владимира Ярославича на Византию, русско-византийские отношения при Всеволоде Ярославиче (письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу), роль печенегов в истории Византии и Руси и многое другое. Хронологический охват исследований В. Г. Васильевского очень значителен: от доисторических времен до XII в.; но главное внимание его обращено на IX—XI вв., т. е. на время существования Киевского государства. Вот за эти труды Московский университет и сделал его, византолога, доктором именно русской истории.

В. Г. Васильевский вошел в водоворот самых спорных, самых темных и трудных вопросов, поднятых русской наукой, и вышел из этого водоворота с честью. Он дал нашей науке так много нового и ценного, что мы вправе сказать (это не будет преувеличением), что наша наука в вопросах древности может быть разделена на два периода—до и после работ В. Г. Васильевского.

Осторожность и добросовестность, доведенные до высших пределов,— вот основные черты Васильевского, как исследователя. Перечислить все заслуги В. Г. Васильевского пред нашей наукой в кратком сообщении

нельзя. Моя задача на нескольких примерах показать значение работ В. Г. Васильевского для истории нашей страны.

1. Вопрос о варягах—руси

—старый, и до сих пор в полной мере не разрешенный вопрос. Он получил особую остроту с момента столкновения двух наших знаменитых академиков—Миллера и Ломоносова. Миллер отстаивал скандинавское происхождение варягов—руси, Ломоносов русь считал балтийскими славянами. За Ломоносовым пошли Морошкин, Забелин, Геденов. Новую струю сюда внес Иловайский в своих «Разысканиях о начале Руси». Иловайский сделал уступку норманистам в том, что признал варягов норманнами. Но он полагал, что этим не решается вся проблема. Она, по мнению Иловайского, значительно сложнее. По его мнению, в Среднем Приднепровье в незапамятные времена образовалось самостоятельное славяно-русское княжество, этнический материал для которого дало скифо-сарматское, т. е., по Иловайскому, славянское, племя роксолан или рос-алан, помещаемое Страбоном между Днепром и Доном. Государственная власть появилась в этом княжестве не со стороны, а развилась из власти племенного старейшины, т. е. это русское государство образовалось органически, без участия норманнов. Имя *русь* встречается, вопреки утверждениям норманистов, раньше второй половины IX в. Уже Иордан знал руссов, которых он называет рокхас; византийские писатели сообщают, что для защиты от днепровских россов хазары в 835 г. просили имп. Феофила построить им крепость Саркел. Географ Баварский IX в. наряду с уличами и хазарами знает и русь (*Ruzzi*); упоминание о туземном народе *русь* встречается и у арабского писателя Хордадбега. Кроме руси приднепровской, Иловайский признает еще исконное существование азовско-черноморской руси, благодаря которой и море Черное получило название Русского. К этой руси он приурочивает византийские известия о набегах на Византию, о существовании русской митрополии IX в. (у Льва Философа), о принятии русскими в 60-х годах IX в. христианства и факт находки Константином Философом в Корсуни во второй половине IX в. евангелия, писанного русскими письменами, и человека, говорившего по-русски. И еще много свидетельств приводит Иловайский в доказательство существования южной руси, независимой от норманнов. Между прочим, он ссылается на наименование арабскими и западными источниками Боспора, или Керчи,—Россией. Эта азовско-черноморская русь с половины IX в. заслоняется возрастающим могуществом руси приднепровской, затем отрезается от нее вторгнувшимися в наши степи ордами кочевников и, наконец, в период удельной Руси, появляется в виде Тмутараканского княжества.

В то время, когда писал В. Г. Васильевский, уже была известна и теория Будиловича о южном происхождении руси, но не славянском, а готском.

В. Г. Васильевский не признал целиком ни одной из этих теорий, хотя не создал и своей собственной. Но он много потрудился для того, чтобы внести хотя бы некоторую ясность в этот туманный вопрос.

В ответ на критику Иловайским его работ по варяго-русскому вопросу В. Г. Васильевский указывает, что он в вопросах русско-византийской истории «не ослеплен и не связан никакой предвзятой теорией и никакою школой, что напрасно Иловайский спешит записать его

в число защитников норманизма, он далек от мысли считать скандинавскую теорию «непоколебимой» (I, стр. 401).

«Нам первым пришлось указать,—пишет он,—на несколько новых фактов и данных, относящихся к варяжскому вопросу, которые отчасти совсем не были известны русским ученым, отчасти были пренебрегаемы: таковы отрывки Пселла, относящиеся к русской истории, таковы грамоты, упоминающие о варягах и колбягах, таковы указания на шеститысячный военный корпус, отправленный Владимиром в Византию после крещения, таков отрывок из Атталиоты... и еще кое-что, приводимое и самим Д. И. Иловайским в его рецензии» (I, стр. 379).

В. Г. Васильевский обратился, для проверки существующих представлений по этому вопросу, к источникам, какие были у него в руках, и ему удалось установить ряд положений, неопровержимо доказанных строго проверенными фактами.

Он подтвердил наличие руси на юге нашей страны, доказал, что тавроскифы и русь—термины, семантически тождественные, что эти тавроскифы, или русь, начинают называться варягами тогда, когда поступают на службу к Византийскому императору или Киевскому князю. Варяг—это дружинник-иноземец. Варяги—иностранный легион, иностранный корпус или дружина (I, стр. 398)¹.

«...не всегда нужно было ездить в Византию, чтобы сделаться варягом; в начале XI в. для этого можно было ограничиться Киевом или вообще Русской землей» (I, стр. 189).

До XII в. в Византии преобладают в наемной дружине русские, с XII в.—англо-саксы. Тождество тавроскифов и русских он доказывает употреблением этих терминов у византийских писателей, в скандинавских сагах и характером их вооружения (топоры или секиры).

Под Русью IX—X вв. Васильевский понимает Киевское государство и доказывает это византийскими, арабскими и армянскими документами. Арабский хронист ал-Мекин об этом говорит совершенно отчетливо. «Когда восстал против императора Василия Варда Фока, царь Василий сильно испугался,... и побудила его нужда вступить в переписку с царем русов» (I, стр. 71). Из дальнейшего видно, что здесь речь идет несомненно о Владимире и его участии в подавлении восстания Варды Фоки. Сообщения другого араба Ибн-ал-Атира подтверждают основные факты, сообщаемые ал-Мекином.

Эти арабские сообщения В. Г. Васильевский сопоставляет с византийскими—Льва Диакона и Пселла, а также с армянским писателем Асохи-ком, указывает на некоторые разногласия в показаниях различных авторов и сличает их с русскими источниками: переводная с греческого «Повесть о латынах», «Повесть временных лет», две «Похвалы Владимиру», «Сказание о Вавилонском царстве» и др.

Со скрупулезным вниманием В. Г. Васильевский сравнивает данные всех этих источников и только тогда делает заключение.

Со стороны тщательности исследования фактического материала самый строгий критик не сможет найти у В. Г. Васильевского никаких серьезных упущений.

И если Иловайский тем не менее счел возможным упрекнуть автора в противоречиях и неточности, то это объясняется тем, что, почувствовав в разысканиях В. Г. Васильевского угрозу своим построениям, подчас

¹ «Варяг—на Руси и в Византии значит иноземец», I, стр. 398.

действительно не чуждым натяжек и произвольных толкований текстов, Иловайский пытался защитить свои позиции путем опровержения по сути дела неопровержимых доказательств своего противника.

В. Г. Васильевский отвечал Иловайскому очень спокойно и деловито, и последнему не было оснований волноваться, если бы он захотел внимательно отнестись к доводам своего оппонента.

В самом деле, что неприемлемо в построении В. Г. Васильевского для основных положений Иловайского? Наличия южной руси В. Г. Васильевский не отрицает, термину *варяг* дает объяснение, не опасное для Иловайского, тавроскифов вместе с Иловайским считает народом русским. В. Г. Васильевский отказывается лишь следовать за ним в объяснении происхождения Русского государства.

Этот вопрос вообще не мог быть разрешен ни Васильевским, ни Иловайским, так как самое представление их о государстве сводилось к вопросу о происхождении княжеской власти, даже династии. Иловайский утверждал, что княжеская власть туземного славянского происхождения и возникла в Киеве, а В. Г. Васильевский считал, что она норманского происхождения и началась в Новгороде. Отсюда В. Г. Васильевский заключал, что «скандинавская теория происхождения Русского государства до сих пор остается непоколебленной, и те, которые пытались поколебать ее, потерпели заведомую неудачу». Если понимать происхождение государства так, как понимали тогда все русские ученые, то нельзя не согласиться с тем, что В. Г. Васильевский в полемике с Иловайским прав: династия Рюриковичей—норманская династия. Этого тезиса никто до сих пор серьезно не поколебал, несмотря на писания Забелина, Геденова, Иловайского и др. Тщательные исследования В. Г. Васильевского дали нашей науке больше, чем смелые домыслы его предшественников: для Васильевского важнее всего была научная правда. Ею он не поступался никогда. Он часто предпочитал оставлять вопрос открытым, чем делать преждевременные заключения. О нем нельзя сказать, что отцом его мыслей было желание. В вопросе о варягах эти свойства В. Г. Васильевского обнаружили с особой силой.

II. Византия и тюркские народы, с нею соприкасавшиеся,—

другая проблема, блестяще разработанная В. Г. Васильевским. «Отношения Византии к князьям русским, вероятно, получат новый свет от более подробного изучения истории печенегов и половцев»,—так думал Васильевский, когда писал свою работу «Византия и печенеги». Это скромное замечание мы можем сейчас раскрыть полнее. Несомненно, изучение отношений Византии с печенегами и половцами целиком перестраивает наши старые представления об этих народах, с которыми история Руси связана на протяжении нескольких веков. Наши летописи говорят о столкновениях с тюркскими народами, о том, что Русь справилась с опасностью, ей грозившей, что, в конце концов, и печенеги и половцы либо вошли в состав народов Киевского государства и стали служить его интересам, либо в той или иной степени сумели договориться со своим соседом и выработать приемлемые для обеих сторон условия жизни. Но наши летописцы не говорят нам, чего стоило это Руси, не дают нам масштаба для оценки этих фактов.

И только работы В. Г. Васильевского этот масштаб нам дают. Оказывается, что преодоление печенежской и половецкой силы, грозившей Руси, было делом очень трудным и оно было возможно только для очень мощного государства.

Писатель XI в. Феофилакт Болгарский так характеризовал печенегов, которых он называет скифами (цитирую по В. Г. Васильевскому): «Их набег—удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бега... они опустошают чужую страну, а своей не имеют. Если бы кто был смелее Дария Истаспа, если бы он навел мост на Истре и стал бы искать скифов,—все одно, он безумно погнался бы за недостижимым. Они спрячутся в скалах, прикроются густотой леса, а он будет блуждать по горам и рощам, которых дикая суровость уступает только дикой натуре преследуемых; он будет зрителем той великой (скифской) пустыни, которая вошла в пословицу... жизнь мирная для них несчастье; верх благополучия, когда они имеют удобный случай для войны или когда насмеются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: количество их бесчисленно» (I, стр. 5).

Император Василий, знаменитый Болгаробойца, довел состояние Византийской империи до внешнего величия и силы, но, замечает В. Г. Васильевский, завоевание Болгарии оказалось большой политической ошибкой и принесло империи вред, потому что оно «нарушило ту систему византийского равновесия на севере, которая некогда приводила в восторг кабинетную политическую мудрость Константина Багрянородного. Центром этого равновесия были печенеги, господствовавшие в X в. между Днестром и Дунаем. Если Византия находится в дружбе с печенежскою ордою, то, объясняет Константин своему сыну, никто из ее врагов не осмелится даже пошевелиться. Русские совсем не могут предпринять никакого похода вне своих границ, если они не находятся в мире с печенегами; без позволения печенегов они не могут приходить в Константинополь ни для торговли, ни для войны. Мадьяры, столько раз испытывавшие поражения от печенегов, продолжают питать к ним самую почтительную боязнь. Итак, если византийский император будет находиться в мире с печенегами, то ни русские, ни мадьяры не страшны для него—они даже не посмеют тогда просить слишком больших подарков от греков за свое мирное поведение. Иначе им можно погрозить печенегами. То же самое и в отношении Болгарского царства. Если византийский император хочет быть страшным для болгар, он легко достигнет этого посредством печенегов» (I, стр. 3—4). «Все это было так,—продолжает В. Г. Васильевский,—пока печенеги сами не были соседями империи, пока свободная Болгария заслоняла Византийскую державу от напирającego из Азии варварского мира. Когда отношения изменились, когда плотина была не только прорвана, но совсем разрушена,—Византия оказалась так же мало способною удерживать волны турецкого наводнения в Европе, как и в Азии» (I, стр. 4).

Печенеги, перешедшие в середине XI в. Дунай, по мысли византийских политиков, должны были защищать византийские границы, между прочим, и от князей русских.

Но печенеги больше воевали с самой Византией, чем выполняли предназначенную им роль защитников империи. И война эта была для Византии очень нелегкой.

Внешняя политическая обстановка Византии осложнялась крупными событиями внутреннего характера. В конце 70-х годов XI в. в Византии при императоре Михаиле VII появились еще три претендента на престол: в Азии—Никифор Вотаниат, нанявший на службу турок, в Европе—Вриенний, поддержанный населением Адрианопольской области, и Василиаки, управляющий византийскими владениями на Адриатическом море. Печенеги приняли в этой борьбе большое участие. Тут мы встречаем и имена русских киевских князей, сыновей Ярослава Мудрого—Святослава и Всеволода (Изяслав был в это время в изгнании). Русские корабли прибыли в Мраморное море и помогли Михаилу Разбить Вриенния в 1077 г. Есть сообщение нашей летописи, что Святослав Ярославич перед смертью, которая последовала 25 февраля 1076 г., собирався идти «на Болгары». После смерти Святослава его брат Всеволод, получив известие о воцарении в 1077 г. Никифора Вотаниата, вскоре, впрочем, свергнутого Алексеем Комнином, распустил собранное войско.

Печенеги продолжали быть грозным врагом Византии, и император Алексей Комнин был вынужден просить у них мира. Об этом скромно упоминает дочь императора Анна, выдавая, таким образом, секрет официального правительственного сообщения, будто сами печенеги, грозившие Константинополю, умоляли императора о мире. Официальная Византия прониклась, по выражению В. Г. Васильевского, горделивой ложью до того, что ее лучшие люди спокойно плавали в ней, как в привычной стихии.

В 1090 г. печенеги снова нанесли Византии поражение, несмотря на то, что она на этот раз готовилась к отпору. Очутившись в безвыходном положении, император Алексей Комнин обращался за помощью и на Запад и на Восток, между прочим, к половцам и к русским князьям, «факт, до сих пор отвергаемый патриотизмом греческим, но тем не менее не подверженный ни малейшему сомнению» (I, стр. 77). Император Алексей очень красочно описывал трагическое положение Восточной Римской империи: «Святейшая империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками: они грабят ее ежедневно и отнимают ее области. Убийства и поругания христиан, ужасы, которые при этом совершаются, неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух. Они подвергают обрезанию детей и юношей христианских, изливая кровь обрезания в купели христианского крещения. Они насилуют жен и дев христианских перед глазами их матерей, которых при этом заставляют петь гнусные и развратные песни. Над отроками и юношами, над рабами и благородными, над клириками и монахами, над самими епископами они совершают мерзкие гнусности содомского греха. Почти вся земля... подверглась их нашествию. Остается один Константинополь, но они угрожают в самом скором времени и его отнять у нас, если не подоспеет быстрая помощь верных христиан латинских... Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения: я принужден перед лицом турок и печенегов оставаться в одном городе, пока их приближение не заставит меня искать убежища в другом.

Итак, именем бога и всех христианских провозвестников умоляю вас, воины христовы, кто бы вы ни были, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам». Далее следует перечень святынь константинопольских.

«Если сверх ожидания вас не одушевляет мысль об этих христианских сокровищах, то я напоминаю вам о бесчисленных богатствах и драгоценностях, которые накоплены в столице нашей. Сокровища одних церквей константинопольских в серебре, золоте, жемчуге и драгоценных камнях, в шелковых тканях могут быть достаточны для украшения всех церквей мира. Но богатства Софийского храма могут превзойти все эти сокровища вместе взятые и равняются разве только богатству храма Соломонова. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих...»

Сердца западных рыцарей дрогнули. Рыцари решили отправиться в Византию. Васильевский замечает, что призыв папы Урбана к крестовому походу потому нашел такой скорый и сильный отклик в рыцарстве Фландрии, Нормандии и Франции, что ему предшествовал призыв императора Алексея. «Они собирались спасти своего союзника, который звал их к себе на помощь; они шли с большой надеждой на мирские выгоды, с мыслью о богатствах Византии. В глазах рыцарства граф Роберт Фриз был, конечно, более красноречивым и более убедительным проповедником, чем какая-либо темная личность вроде Петра Амиенского» (I, стр. 93—94).

Рыцари, собиравшиеся в поход, намеревались посадить в Константинополе на трон своего вожда Роберта Фриза. Поэтому они прежде всего должны были направить свой удар на печенегов. Но события развернулись иначе. Граф Роберт Фриз умер 13 октября 1093 г. На сцене появились новые силы, о которых В. Г. Васильевский пишет так:

«... самое глубокое изменение в этих планах произведено было резким и неожиданным вмешательством в судьбы христианской цивилизации со стороны двух варваров, которые не знали ни папы Урбана, ни графа Фландрского, о которых, в свою очередь, не хотели знать не только старинные благочестивые повествователи о папе Урбане на Клермонском соборе и о Петре Амиенском, но и новейшие исторические исследователи, привыкшие, подобно своим средневековым предшественникам, смотреть на ход истории только под своим углом зрения. В 1091 г. предполагалось, что западное рыцарство явится во имя Христа и христианства на берега Босфора для защиты Византийской империи и Константинополя, что император Алексей Комнин отдаст в руки франков судьбу своей империи и столицы..., довольный тем, что спасется от печенежского плена...»

Два половецких хана в соучастии, быть может, с одним из князей русских, решили вопрос иначе» (I, стр. 96).

Хорошо знакомые нашим летописцам половецкие ханы Тугоркан и Боняк, из которых последний так искусно умел подражать вою волков, что эти хищники охотно ему отзывались, появились под стенами Константинополя в момент, о котором дочь императора Анна писала, что от печенегов, «судя по-человечески, не было надежды на спасение». Император Алексей не знал, с какими намерениями идут половцы—не то на помощь печенегам, не то на защиту империи. Можно было предполагать и то и другое, так как император обращался за помощью и в Приднепровские степи. Алексей пригласил ханов к себе. Боняк на первое приглашение ответил отказом, но потом согласился. Богатая и роскошная трапеза была предложена гостям. Алексей целовался с половецкими ханами и подарил их подарками. Половцы обещали помочь Византии, но их постоянные сношения с печенегами не внушали особых надежд Алексею. Накануне рокового дня битвы с печенегами русский пятитысячный отряд, пришедший сюда вместе с половцами под предводительством знаменитого Василья

Ростиславича, отделился от половецкого стана и присоединился к греческому лагерю. Это было хорошим признаком для греков. 29 апреля 1091 г. печенеги были разбиты. Огромная масса пленных была перерезана. Это произвело даже на Боняка и Тугоркана тяжелое впечатление. Во всяком случае в 1091 г. половцы и русские спасли Византию от печенегов. А через 4 года мы видим тех же половцев уже врагами Византии.

В мою задачу не входит подробно излагать эти интересные события в жизни Византийской империи. Этими примерами я хотел только показать, сколько труда положил В. Г. Васильевский, чтобы вскрыть эти важные факты. Необходимо подчеркнуть—что сделал и сам В. Г. Васильевский—значение этих фактов для истории нашей страны в период борьбы с печенегами и половцами.

Наши летописи полны известий и об этих народах и о столкновениях их с Русью. Но очень любопытно, что мы никогда не встречаем на их страницах выражения такого отчаяния перед опасностью со стороны этих народов, каким проникнуто, например, послание византийского императора Алексея. Киевское государство сравнительно легко справляется с ними и, в конце концов, побеждает окончательно. С 915 г., когда, по уверению нашего летописца, «придоша печенеги первое на русскую землю», до 1036 г., после которого о печенегах на Руси не слышно, киевские князья воевали с печенегами 8 раз. Беспокойное соседство заставило киевских князей отодвинуть свою южную границу несколько к северу, где по рекам Стугне, Ирпени и Трубежу Владимир построил для защиты от печенегов ряд крепостей.

В этих крепостях посажены были отряды тех же печенегов, которые стали наниматься на службу к киевским князьям и защищали их границы от нападений своих же единоплеменников—собственно печенегов и затем тех же тюрков, но в образе торков и половцев-кыпчаков. Торки скоро рассеялись, как дым. Некоторые стали служить вместе с печенегами киевским князьям и быстро ассимилировались. Самая южная часть Киевского государства—Переяславская земля, а также южные части Киевской и Черниговской были сплошь покрыты торкскими поселениями, которые заходили и еще севернее, вплоть до Рязанской и Суздальской земель.

С куманами-кыпчаками, или, иначе, половцами, бороться было труднее. В середине XI в. половцы нанесли удар сыновьям Ярослава—Изяславу, Святославу и Всеволоду. Города переяславские и киевские были сожжены, население частью перебито, частью разбредлось. Наш летописец говорит, что часто можно было видеть здесь людей, пришедших на старые свои пепелища, с воспаленными глазами, босых, с ногами, истерзанными тернием, вспоминающих недавнее время. Они указывали на развалины и говорили друг другу со слезами и вздохами: «Я жил в этом городе, а я—в этой деревне».

Но это были только неизбежные следствия тяжелой войны, а не разгром. В начале XII в. мы видим уже другую картину: Русь переходит в наступление. В 1103 г. половцам нанесено было поражение, вслед за ним—еще три. Они вынуждены были отодвинуться на Дон, Волгу и Яик. Часть осталась на территории Киевского государства, многие получили от русских князей землю и стали в качестве вассалов служить этим князьям. Набеги половцев не прекращались до татарского завоевания Восточной Европы, но Киевское государство имело достаточно сил, чтобы не только отражать врагов, но и ассимилировать их, превращая в средство своей защиты. У половцев стали постепенно устанавливаться с Киевом и княже-

ствами, образовавшимися после распада этого государства, мирные соседские отношения.

Благодаря работам В. Г. Васильевского мы получили конкретное представление о силе этих тюркских народов и о мощи Киева, сумевшего покорить и ассимилировать их.

III. Вопросы древней истории Руси

В. Г. Васильевский разрабатывал и специальные вопросы древней истории нашей страны.

Ему принадлежит, например, бесспорная честь разъяснения сложных и темных сторон отношений Киева и Византии в княжение Святослава Игоревича и Владимира Святославича. В. Г. Васильевский пользуется и здесь источниками самыми разнообразными: византийскими, армянскими, арабскими, русскими.

В статье «К истории 976—986 годов» Васильевский шаг за шагом вскрывает события византийской истории с определенной целью распутать узел византийско-русско-болгарских отношений. Он сам по этому поводу пишет: «Если бы мы могли восстановить точную хронологию всех этих событий, то для нас стала бы яснее не только общая связь между затруднительным положением Византии и успехами болгар, с одной стороны, крещением русского князя Владимира и пробуждением энергии греческого оружия в борьбе с болгарами—с другой; но в ином, более ярком свете выставились бы многие частные подробности истории не только византийской, но также болгарской и русской. Вместо наивных представлений летописца-монаха мы познакомились бы с широким кругозором византийской политики. Старыми преданиями умной и ловкой дипломатии Византия много раз сама себя выручала из самых затруднительных положений, но ходы и приемы этой дипломатии, составляя наследие старой культуры, не были доступны разумению и пониманию простодушных летописцев, не только русских, но и всяких других».

Для того чтобы выполнить это намерение, В. Г. Васильевский прежде всего предпринимает критический разбор своих источников. У Льва Дякона нет того, что нужно исследователю времени Владимира Ярославича, кроме факта взятия Корсуня русскими,—зато прекрасно отображено время Святослава. Интересные сообщения о Владимире находятся у Скилицы, Кедрина, Зонары, Пселла. В результате тонкой работы В. Г. Васильевский устанавливает, что только один Скилиций, живший в самом конце XI в., может считаться первоначальным источником наших сведений о царствовании Василия II византийского и Владимира I русского. В. Г. Васильевский считает Скилиция добросовестным компилятором из более ранних источников, между прочим, хроники Федора Севостийского, до нас не дошедшей. Что же касается Кедрина, то Васильевский называет его плагиатором, единственная заслуга которого для нас «состоит в том, что он обокрал своего собрата, т. е. Скилиция, вполне и всецело».

К греческим источникам Васильевский присоединяет арабские и, прежде всего, арабскую хронику ал-Мекина. Ал-Мекин жил и писал в XIII в. По мнению В. Г. Васильевского, это писатель глубокий и правдивый, добросовестно использовавший хорошие местные источники, независимые от византийских. Между тем, этим автором не пользовались ни византисты, ни слависты, и В. Г. Васильевский, вполне справедливо упрекнув

своих предшественников в недостаточном внимании к этому арабскому источнику, извлекает из него ценнейшие данные как по истории Византии, так и Руси.

Ал-Мекин действительно превосходит в своих описаниях конкретных византийско-болгаро-русских событий. Изложив подробно беспокойную историю Византии второй половины X в., ал-Мекин прямо заявляет, что богатство византийского императора Василия истощилось, политическое положение страны стало до крайности критическим, и Василия побудила нужда вступить в переписку с царем Руссов, который в это время был во враждебных отношениях с Византией. «Царь Руссов согласился на это и просил свойства с ним. И женился царь Руссов на сестре Василия, царя греков, после того как он (Василий) поставил условием принятие христианства и отправил к нему митрополитов, которые обратили в христианство его и весь народ его владений... И они—народ великий... и отправился царь Руссов со всеми войсками своими к услугам царя Василия. И оба они сговорились пойти навстречу Варде Фоке и отправились на него сушею и морем и обратили его в бегство».

Это важное место из ал-Мекина В. Г. Васильевский сопоставляет со свидетельствами другого арабского автора Ибн-ал-Атира, с показаниями византийских писателей и армянского писателя Асохика и обнаруживает некоторую тенденцию византийцев замолчать роль Руси в спасении византийского императора Василия. Арабы и армяне откровеннее говорят о русской помощи Василию. И это не случайно. Мы замечаем подобное поведение греков и в других случаях. Армянин Асохик прямо говорит о том, что он у себя на родине видел в 1000 г. тот самый отряд, который царь Василий выпросил у царя Руссов, в то время когда выдал сестру свою за последнего, и что в это же самое время руссы уверовали во Христа (II, I, стр. 91).

Эти греческие, арабские и армянские источники В. Г. Васильевский сопоставляет с многочисленными и часто столь же запутанными и противоречивыми русскими данными.

Интересен прием работы В. Г. Васильевского. Разложив перед собой Лаврентьевскую летопись, две «Похвалы Владимиру» митрополита Иллариона и Иакова Мниха, «Сказание о Вавилонском царстве», он пытается разобраться в различной ценности этих источников, «в каком виде факт и его обстановка представлялись воображению ближайших к событию, несомненно, древнейших свидетелей». Тонкость его анализа источников может удовлетворить самого требовательного читателя, от чего выводы автора приобретают полную убедительность. Бледные и скудные намеки летописей в руках В. Г. Васильевского приобретают иной смысл, подвергаются более глубокой оценке. Наши представления о событиях конца X в. делаются конкретными и живыми. Роль Руси в этих событиях оказывается более серьезной, чем раньше думали, что заставляет исследователя русских древностей по-иному отнестись и к другим фактам нашей истории.

Благодаря работам В. Г. Васильевского мы стали понимать всю сложность международной обстановки второй половины X в. Истории Болгарии, Византии, западноевропейских государств, Армении, Грузии и России тесно переплетаются. Читая В. Г. Васильевского, мы чувствуем пульс подлинной политической жизни протекших веков и получаем наглядный урок, как опасно игнорировать взаимные связи народов, замыкаться в скорлупу националистической обособленности и узости.

Расчистка исторической почвы и установление новых крупных фактов дают тем самым возможность В. Г. Васильевскому восстанавливать картину истории во всей ее конкретности и благодаря этому понимать то, что до него было непонятно или понято неправильно.

Блестящий комментарий к стихотворениям Иоанна Геометра, например, мог сделать только В. Г. Васильевский. Только ему стали понятны огненные слова незаурядного поэта, только перед ним раскрылся подлинный смысл непонятных до того греческих стихов.

Вот в изображении Иоанна Геометра несчастный император Никифор Фока, зарезанный собственной женою: «Шесть лет я богомысленно держал бразды народного правления. Столько же лет оставался связанным страшный скифский (т. е. русский) Марс. Предо мной склонялись города ассирийцев, а равно и финикиян. Я покорил неукротимый Марс; я очистил острова, изгнал варварское копьё с великого Крита и величавого Кипра. Восток и Запад трепетали перед моими угрозами... Но я пал среди дворца, не избег рук слабой женщины. Был у меня город, было войско и двойная внутри стена. Но воистину нет ничего слабее смертного человека».

И другое стихотворение того же автора на ту же тему:

«Тот, кто прежде был крепче мужей и меча, тот сделался легкой добычей женщины и меча. Тот, кто своею силой держал в руках власть над всею землею, тот занимается теперь малый уголок земли. Того, кто прежде был, думаю, лицом священным для самых зверей, того убила супруга, член, казалось, единого тела. Тот, который и в ночи не давал себе краткого сна, спит теперь во гробе долгое время. Печальное зрелище! Но восстань ныне, царь, и собери пеших, конных, копейщиков, твоё войско, фаланги и полки. На нас устремляется русское всеоружие...

Сбрось камень, который держит тебя, и прогони камнем сих зверей-иноплеменников... Если ты не хочешь проникнуть немного из гроба, то грядь из земли одним своим голосом...

Если же и это тебе не угодно, то прими всех нас в свою гробницу, ибо и мертвый ты, во всем победоносный, кроме женщины, будешь иметь достаточно силы, чтобы спасти толпы христиан».

В. Г. Васильевский склонен думать, что здесь речь идет о событиях 970 или 972 г., когда Святослав в союзе с печенегами и уграми разорил Фракию и Македонию, разрушил до основания Филиппополь и висел тучей над самым Константинополем, хотя допускает, что это может быть и поход Владимира Святославича 986—988 гг. на Византию.

Тот же Иоанн Геометр отразил в одном своем стихотворении изменение в политической позиции Киева, когда русские из недавних врагов Византии превратились в ее союзников и спасителей.

«Примите, фракийцы, скифов своими союзниками против друзей, прежних союзников против скифов. Ликуйте и рукоплещите, племена болгарские...» Так начинается стихотворение. Поэт воспевает союзный договор между Василием II и Владимиром в момент восстания болгар и возмущения Варды Фоки и приветствует русский шеститысячный корпус, прибывший в Константинополь через Болгарию, вызванный туда, где грозила наибольшая опасность.

Об этом корпусе В. Г. Васильевский произвел специальное исследование и проследил дальнейшую судьбу этого русского войска.

Опять перед нами византийские и армянские историки, арабские известия, русские летописи. Опять тонкий анализ источников и твердые, как сталь, выводы.

Владимир послал императору Василию пехотный шеститысячный отряд; «русская пехотная гвардия»,—называет его В. Г. Васильевский.

Эта гвардия, сделав свое дело, не ушла домой. Она, очевидно, была еще нужна императору. Армянский историк 12 лет спустя после разгрома Варды Фоки видел эту гвардию на Кавказе.

В самый день отъезда грузинского царя из Армении, говорит армянский историк Асохик, «в греческом лагере произошла сильная схватка из-за ничтожной причины. Князья и вассалы курополата Давида (властитель Карталинский и царь армяно-грузинской провинции Даика на северо-востоке Верхней Армении), прибывшие туда, стояли недалеко от греческого лагеря. Из пехотного отряда рузов какой-то воин нес сено для своей лошади. Подошел к нему один из иверийцев и отнял у него сено. Тогда прибежал к рузу другой руз. Ивериец кликнул к своим, которые, прибежав, убили первого руза. Тогда весь народ рузов, бывший там, поднялся на бой: их было 6 000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя рузов в то время, когда он выдал сестру свою замуж за последнего. В это же самое время рузы уверовали во Христа. Все князья и вассалы тайские выступили против них и были побеждены. Тут погибли: великий князь князей по имени Петриарх, два сына Очопентуге—Габриель и Иоанн, Чортванель, внук Абу-Харба, и многие другие...» (I, стр. 20).

В. Г. Васильевскому этот рассказ нравится своей ясностью, простотой и естественностью. «Что русский человек способен был,—пишет Васильевский,—подражаться с грузином из-за сенца, приготовленного для лошади, этому всякий поверит, и уже никто, надеемся, не скажет, что это чисто норманское качество. Критика, которая захочет быть строгою, может напасть только на лошадь, которую имеет пехотинец». Но Васильевский успокаивает строгого критика, во-первых, тем, что в другом варианте того же текста лошади нет, а во-вторых, тем, что в наличии лошади в пехотном отряде сомневаться вообще не приходится. «Мы верим в лошадь»,—пишет Васильевский.

Тут дело, однако, серьезнее, чем проблема лошади. Другой армянский историк тоже знает этот эпизод. Но он излагает событие осторожнее: «Вследствие не знаю каких причин,—пишет он,—поднялась ссора между западными воинами, называемыми русскими, и благородным отрядом. 30 человек самых знатных из этого последнего умерли на этом месте...»

В. Г. Васильевский раскрывает перед нами подлинную причину ссоры, отделяя ее от повода (инцидент с сеном).

Оказывается, восставший против Василия II Варда Фока опирался, кроме греческих войск, и на сочувствие грузин; в роковом для него сражении грузинская пехота составляла лучшую часть его войска. Грузины, значит, повстречались с тем самым русским корпусом, который их разбил в 989 г. «Память об этом тяжелом посрамлении народной чести,—пишет Васильевский,—могла оставаться тем более, что, повидимому, русские заняли место грузин в византийской армии».

Васильевский идет дальше. Он изучает вопрос о наличии в византийской армии русских частей и находит их вплоть до XII в., когда русские части были заменены англо-саксами. Строго последовательно и убедительно разбивает он норманистов, склонных в каждом термине русь или русский видеть норманно-скандинавов. Васильевский с беспощадной убедительностью доказывает, что в шеститысячном отряде был русский народ, войско киевских князей, а не скандинавы-норманны. Он доказы-

вает, что русские в рядах греческого войска сражались с норманнами, которых источники строго отличают от руси киевской.

В 1019 г., когда французские норманны явились в Южную Италию на помощь восставшим апулийцам, византийский император использовал русский корпус. «Когда император услышал, что смелые рыцари напали на его армию, он против норманнов отправил самых храбрых людей, каких только мог найти» (цитирую по В. Г. Васильевскому—*L'histoire de li Normant*, I, 21). «В первых трех сражениях норманны остались победителями, но в четвертой битве, где им пришлось бороться с народом русским, они были побеждены, обращены в ничто и в бесчисленном количестве отведены в Константинополь, где до конца жизни были истязуемы в темницах». Автор этого известия писал в Южной Франции. Он пользуется термином *gens Russorum*, что соответствует зонаровскому *λαός Ρωσικός*.

В. Г. Васильевский без больших усилий, иронически, отвергает положение норманистов, как русских, так и иностранных.

«Один из византинистов, Гопф,—пишет, например, Васильевский,—сделал несомненную ошибку, вздумав отыскивать в поведении византийских наемных войск указание на высокую нравственность германского племени». Речь идет о рассказе, где участвуют в византийском войске варяги, которых Васильевский с полной убедительностью считает русскими. «Что ядро варяжской лейб-гвардии было германское,—говорит Гопф,—это не подлежит сомнению; даже нравы варягов указывают на это:... германцы своей верностью были тогда столь же знамениты, как после швейцарцы; они были лучше, даже единственной опорой колеблющейся империи Ромейской». «Маленькое, но совершенно излишнее патристическое увлечение,—возражает Гопфу Васильевский,—что касается германской верности, то византийская история никак не может служить ее доказательством. Напротив того, по мнению византийцев XI в., предателей всего скорее можно было найти именно среди немцев, которые также были на службе византийской, но отличались от варягов (Васильевский под варягами здесь разумеет именно русскую дружину), между прочим, своею продажностью». В. Г. Васильевский ссылается здесь на свидетельство Анны Комнин и другие данные и заявляет, что «факты подтверждают это воззрение».

Тезис В. Г. Васильевского, что до XII в. под варягами в Византии разумели наемные русские дружины, а с XII в.—англо-саксонские, доказывается им обстоятельно в разных его работах.

Столь же осторожно и убедительно возражал В. Г. Васильевский крупному византологу, своему современнику, Сафе, опубликовавшему и прокомментировавшему два интереснейших письма византийского императора Михаила VII Дуки к невыясненным, к сожалению, адресатам. Сафа определил оба письма написанными к норманскому завоевателю, герцогу Апулии, Калабрии и Сицилии, Роберту Гвискару. В. Г. Васильевский разбирает все доказательства Сафы, разбивает все его аргументы и дает свое,—несомненно, правильное,—толкование писем.

Они, оказывается, адресованы не Роберту Гвискару. Обращаясь к русским источникам, Васильевский артистически комбинирует их с источниками нерусскими и приходит к бесспорному выводу, что письма адресовались к русскому князю Всеволоду Ярославичу, отцу Владимира Мономаха. Сафе, очевидно, и в голову не приходило, как это иногда случается и с нашими современными историками, что Русь XI в. не

дикая страна, а, несомненно, часть тогдашнего культурного мира, что тон писем византийского императора предполагает не только более или менее равного по культуре корреспондента, но имеет в виду и известное состояние страны, во главе которой стоял его корреспондент.

«Духовные книги и достоверные истории,—пишет византийский император русскому князю,—говорят, что наши государства оба имеют один некий источник и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено в обоих, одни и те же самовидцы божественного тайнства и его вестники провозгласили в них слово евангелия» (II, стр. 49—50). В последних словах заключается намек на апостола Андрея, который считался основателем константинопольской церкви, а по древней русской легенде, занесенной в первоначальную летопись, проповедывал христианство также и в будущих пределах Киевского государства.

Михаил VII пишет свои письма Всеволоду Ярославичу, конечно, не с платонической целью. Он ждет от русского князя помощи, и вполне понятно, что при такой ситуации некоторые выражения писем должны быть и оценены соответствующим образом:

«Три причины, благороднейший и разумнейший муж, пробудили во мне дружественное и самое искреннее расположение к тебе: единомыслие в истинной вере, благородство твоего образа мыслей и знатность рода...» Михаил Дука предлагает Всеволоду выдать его дочь за брата Михаила Дуки Константина Порфирородного в целях укрепления союза двух государств. В заключение письма он указывает, что должен делать по этому случаю Всеволод, удостоившийся столь высокой, по мнению Михаила Дуки, чести: во-первых,—радоваться, во-вторых,—быть стражем византийских границ, союзником Византии и врагом ее врагов.

Несколькими приведенными примерами мне хотелось показать, как важны работы В. Г. Васильевского, как много они дают нового и ценного по истории нашей страны, как важно вообще изучение Византии в интересах расширения представлений о нашем прошлом.

В связи с изучением писем Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу В. Г. Васильевский попробовал навести справку у историков России—Карамзина, Соловьева, Костомарова и Иловайского. Эта справка его совсем не удовлетворила.

Он прямо заявляет: «Трудно в немногих строках наделать такое большое число ошибок против византийской истории».

Ошибки эти В. Г. Васильевский не только перечисляет, но и исправляет. Они действительно вопиющи.

Отсюда вытекает, что ошибок надо избегать, но что ошибка ошибке рознь. Если историк России сделает ошибку в истории Рима периода царей, эта ошибка может не повлечь за собой неприятных последствий для исследования истории России. Но в истории Византии IX—XV вв. ошибки уже не столь нейтральны. Они ведут к крупным недоразумениям в понимании истории нашей страны. А отсюда с неизбежностью следует, что надо изучать историю Византии не только так, чтобы избежать ошибок, а чтобы извлечь из этого изучения максимум возможностей для расширения источников и для углубления понимания нашей собственной истории.

А возможности эти, как ясно показал В. Г. Васильевский, огромны и не исчерпаны.